

В предыдущем номере нашего журнала (№ 5) была опубликована статья Александра Хоменкова «Разрушение мифа», написанная им по материалам своей книги «Наука против мифов: По следам Разумного Замысла. Тайна живой материи». В статье был рассмотрен ряд ключевых проблем современной научно-философской мысли, связанных с её отказом от стереотипов материалистического мировоззрения. Настоящая статья «О механицизме и его корнях» продолжает знакомить читателей с содержанием упомянутой книги и посвящена истории возникновения и становления механицизма как первой формы «научно обоснованного» материализма.

Александр ХОМЕНКОВ

«СТАТЬ КАК БОГИ»,

О магических
корнях механистического
мировоззрения

Ещё несколько столетий назад известный французский философ Рене Декарт (1596–1650) сравнил живые существа с механизмами, сконструированными человеком. По его мнению, отличие «живых механизмов» от неживых заключается лишь в микроскопических размерах тех «трубочек» и «пружинок», из которых, по его мнению, состоят тела живых существ. Декарт был далеко не одиноким в своих взглядах, но выразил умонастроение целой эпохи. Имя этому умонастроению — механицизм. Последний представлял весь наш мир в виде огромного слаженно работающего механизма. Механицизму суждено было оказать огромное влияние на жизнь человечества. Со временем он трансформировался во всякого рода философские материалистические учения (вспомним хотя бы о диалектическом материализме). При этом многие учёные и философы полагали, что это механистическо-материалистическое мировоззрение является научно обоснованным и подтверждается всем ходом развития естествознания, в частности ньютоновской механикой.

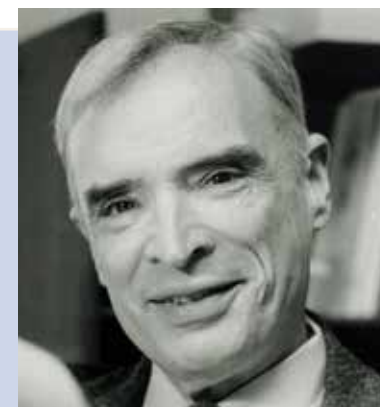
Противостояние механицизма и ньютоновской механики

Действительно, в научно-философской литературе можно найти указания на то, что именно ньютоновская механика подталкивает нас к представлениям о мире как о гигантском механизме. Однако детальный анализ ситуации свидетельствует о том, что такой подход явно упрощает ситуацию. Более того, ньютоновская механика не только в своё время не вписалась в механистическую картину мира, но и бросила механицизму вызов. Об этом, в частности, свидетельствует противостояние Ньютона и Декарта в вопросе интерпретации законов небесной механики.

В главном своём произведении — «Математические начала натуральной философии» (1687) — Ньютон пишет о том, что «истинный Бог есть живой, премудрый и

всемогущий, в остальных совершенствах Он высший, иначе — все-совершеннейший. Он вечен и бесконечен, всемогущ и всеведущ, т. е. существует из вечности в вечность и пребывает из бесконечности в бесконечность, всем управляет и всё знает, что было и что может быть... Он продолжает быть всегда и присутствует всюду, всегда и везде существуя; Он установил пространство и продолжительность». Что же касается непосредственных проблем небесной механики, то, по словам Ньютона, «такое изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе как по намерению и во власти могущественного и премудрого Существа... Сей управляет всем не как душа мира, а как Властитель Вселенной и по господству своему должен именоваться Господь Бог Вседержитель».

Наука со временем отказалась от взглядов Декарта и признала правоту Ньютона — теперь его законы известны каждому школьнику. Однако, странное дело, ме-

По словам известного американского философа-науковеда Иена Барбура, «Ньютон считал, что Бог играет непрерывную активную роль в физическом мире... Ньютон не думал, что сила тяготения присуща самой материи. По его мнению, Бог может воздействовать на тела как непосредственно, заставляя их притягиваться друг к другу, так и косвенно, через эфир или проникновение крайне разрежённого вещества». В таком понимании законы небесной механики — это не явление контактно-механистического взаимодействия в стиле Декарта, но проявление в тварном мире нетварного начала — того, что в христианской традиции связывается с Божественными энергиями.

ханицизм сумел приспособиться к ньютоновскому стилю мышления и даже стал использовать этот стиль мышления в своих целях.

Как механицизм «подмял» под себя ньютонианство

Философ-научковед Иен Барбур писал о том, что благодаря учению Ньютона «сложилось представление о мире как о сложной машине, подчиняющейся неизбежным законам, в которой каждая деталь точно предсказуема. Это учение стало основой для философии детерминизма и материализма, которую предстояло развить следующим поколениям».

Как же получилось, что ньютоновскую физику со временем ста-

ли тесно связывать именно с механистическим взглядом на мир? И это произошло как вопреки её внутренней логике, так и вопреки воле и мировоззренческим установкам её создателя.

Механистическое мировоззрение представляет Вселенную в виде гигантского механического агрегата, построенного по единому плану и функционирующего во всех своих частях и структурных уровнях единообразно в соответствии с универсальными механическими законами. Можно предположить, что в определённый период времени стало казаться, что такими универсальными механическими законами могут

быть именно законы Ньютона или, по крайней мере, нечто близкое к этим законам. Ведь своими научными трудами Ньютон показал, что движение планет, которое, как полагали до него, не имеет ничего общего с движением земных тел, в действительности подчиняется тем же законам, что и движение земных тел.

Работы Ньютона преобразовали всю физику XVII столетия и открыли перед человечеством новый мир — Вселенную, управляемую единым сводом физических законов, допускающих точное математическое выражение. Он воспроизвёл грандиозную схему, охватывающую и падение камня,

и океанские приливы, и движение планет вместе с их естественными спутниками, и блуждание комет. И эта грандиозная схема позволяла делать доселе недоступные вычисления. В частности, по данным о высоте приливов, вызываемых притяжением Луны, Ньютон вычислил массу этого небесного тела.

Истоки эвристической ценности ньютоновской механики, как легко понять, находятся в теологическом видении мира. Ведь для математиков XVII столетия, к которым принадлежал и Ньютон, идея о всеобщей универсальности законов мироздания представлялась весьма естественной: Бог сотворил Вселенную, и все явления природы

не могут не подчиняться единому плану Творца. В своих конкретно-физических исследованиях Ньютон, как уже говорилось, опирался именно на эту идею.

Однако механицизм со временем «подмял» под себя ньютоновский стиль мышления. Представления о «едином своде физических законов» и стоящие за ними теологические мотивы уступили место представлениям о «единых механических перво-причинах» всего сущего. Понятия ньютоновской физики, нашедшие столь успешное применение в астрономии и механике, стали всё шире использоваться и в качестве основы для всеобъемлющего механистического мировоззрения. Со временем это мировоззрение

стало дистанцироваться от своих ранних грубых форм и маскироваться под изысканную философскую доктрину — диалектический материализм.

Немного из истории механицизма

С чем же связаны таинственные движущие силы механистической идеологии, способной адаптироваться к достижениям научной мысли и даже использовать эти достижения в своих целях?

Прежде всего, ещё раз обратим наше внимание на то, что идеология механицизма сложилась задолго до работ Ньютона, которые философы-механицисты всеми силами попытались привлечь для

Как писал известный австрийский искусствовед Отто Бенеш (1896–1964), человек в картинах Брейгеля «воспринимается как часть безликой массы, подчинённой великим законам, управляющим земными событиями так же, как они управляют орбитами земного шара во Вселенной. Содержанием Вселенной является один великий механизм. Повседневная жизнь, страдания и радости человека протекают так, как предвычислено в этом часовом механизме».

«Фламандские пословицы». Художник Питер Брейгел Старший (Мужицкий)

Широко известный в православных кругах философ Виктор Николаевич Тростников подчёркивает революционный характер ньютоновского прорыва следующими словами:

«Сегодня, когда мы не отделяем то, что происходит в космосе, от земных явлений, это не сразу понимаешь. Но надо взглянуть на мир глазами человека семнадцатого века, чтобы оценить всю дерзость ньютоновской мысли, перебросившей мостик от падающего яблока к обращающейся вокруг нашей планеты Луне. "Земные дела" в сознании людей того времени были отграничены от "небесных дел"; между первыми и вторыми было принципиальное, глубокое различие. Планеты, кометы и звёзды составляли особое царство, неподвластное человеческому уму, находящееся под воздействием непонятных сил. И вот какой-то смертный проник своим разумом в сокровенную тайну этого царства, разгадал его законы и, что было не менее удивительно, показал их полное совпадение со "здешними" законами».

обоснования своих идей. Известно, что такого рода идеи, уподобляющие живые существа хорошо отлаженному механизму, были высказаны Декартом в его произведении «Начала философии». Это произведение было завершено им в 1644 году в Голландии, где он проживал к тому времени уже 16 лет, скрываясь здесь от преследования иезуитов. В этой же «стране терпимости и свободы» за несколько десятилетий до Декарта и более чем за столетие до Ньютона жил известный художник Питер Брейгель Старший (около 1525–1569). В его творчестве подмечена одна удивительная деталь: люди на полотнах этого художника изображаются в виде каких-то манекенов, игрушечных персонажей, они все «на одно лицо». По словам В. Н. Тростникова, «гениальный живописец Северного Возрождения смотрел на людское общество как на заводящийся ключиком театр кукол».

Это ли не художественное выражение механистического мировоззрения?

При всём этом Брейгель в своих полотнах лишь выражал «передовое» для своего времени мировоззрение, которое, по словам Бенеша, в конце XVI века господствовало «в философских системах Бернардино Телезио, Томмазо Кампанеллы и Джордано Бруно, у астрономов и географов». Ведь Брейгель, как принято считать, был выдающимся мыслителем своего времени и был связан с передовыми умами, жившими в ту эпоху.

Квинтэссенцию идей этих «передовых умов» Отто Бенеш передаёт следующими словами: «Подобно тому как земля и небесные тела подчиняются законам Вселенной, так и род человеческий подчиняется законам, которые в грядущих столетиях попытались открыть антропология и социальные науки. Но Брейгель ещё задолго до того, как эти науки приняли свою современную форму, предугадал идею о закономерно управляемом единстве и создал своё живописное представление о ней. Отсюда появление часового механизма в его космогра-

фии рода человеческого, отсюда анонимный, автоматоподобный характер его фигур».

Итак, непредвзятый анализ ситуации свидетельствует о появлении всеобъемлющего механистического способа истолкования первооснов бытия задолго до становления науки Нового времени.

Но каковы истоки этого нового мировосприятия?

На первый взгляд логичной выглядит следующая схема. Начав всерьёз размышлять о принципах мироустройства, философы эпохи Возрождения остановились на модели механической Вселенной вследствие её интуитивной доступности и наглядности. Ведь в окружающем нас мире принципы механического движения играют определяющую роль. Более того, законы классической механики нам по-прежнему «близки», а механическое мировоззрение кажется часто наиболее «простым», что наши органы чувств приспособились к непосредственному восприятию этого мира явлений.

Но только ли в простоте механического мировоззрения истоки его широкого распространения ещё в донаучную эпоху?

Магические корни механицизма

Приведём два исторических свидетельства в пользу того, что в этом вопросе не всё так просто и что существуют глубокие иррациональные истоки механистического стиля мышления.

Первое свидетельство относится к одному из главных идеологов механицизма Нового времени — Рене Декарту. В биографии Декарта можно прочесть о его духовных поисках, сопряжённых с мистическим опытом широко распространённой в те времена герметической традиции. Во время этих опытов по погружению в «герметический транс» Декарт и пытался отыскать ключ к разгадке принципов мироустройства. Декарта, кстати, в своё время подозревали в причастности к розен-

крейцерам — тайному обществу оккультной ориентации.

Второе свидетельство связано с биографией Демокрита — фактического основоположника материалистического видения мира в европейской философской традиции. Как пишет античный историк Диоген Лаэртский (II–III вв. н. э.), Демокрит «был учеником каких-то магов и халдеев, которых царь Ксеркс оставил наставниками у его отца, когда у него гостил, как о том сообщает и Геродот; у них-то он ещё в детстве перенял науку о богах и звёздах». Позже Демокрит «совершил путешествие и в Египет к жрецам, чтобы научиться геометрии, и в Персию к халдеям, и на Красное море; а некоторые добавляют, что он и в Индии встречался с гимнософистами, и в Эфиопии побывал».

Случайно ли то, что и механицизм Декарта, и близкий к нему по своему содержанию материализм Демокрита имеют весьма схожие духовные корни? Ведь состояние «герметического транс», в который погрузился Декарт во время своих философских поисков, есть не что иное, как разновидность того древнего мистического опыта, к которому был причастен и Демокрит.

На первый взгляд связь между различными оккультными практиками и мировоззрением материализма–механицизма отсутствует. «Герметическая литература» с её «астралами» и «эфирами» не содержит в себе никаких явных следов механистического стиля мышления.

Но дело здесь, судя по всему, не в содержательном аспекте герметической традиции, а в том изменении самого характера мышления, к которому приводит человека погружение в различные «герметические транс» и аналогичные психические состояния. Ведь мышление человека невозможно уподобить работе компьютера. По словам известного британского математика и философа Роджера Пенроуза, «некую существенную составляющую человеческого понимания невозможно смоделировать никакими вычислительными средствами». И «сбои» в этой выс-

шей, интуитивно обусловленной сфере человеческого сознания, вызванные оккультно-магической практикой, могут иметь самые пагубные последствия. Вспомним хотя бы о Третьем Рейхе и его оккультных корнях, связанных с поклонением древним языческим божествам. Непредвзятый анализ ситуации показывает, что оккультная практика сыграла в этом явлении свою зловещую роль, явившись основанием для возникновения в Германии того «массового психоза», который чаще всего называют фашизмом.

Что общего между механицизмом и фашизмом?

Эту проблему в своё время поднял известный швейцарский психолог и психиатр Карл Густав Юнг (1875–1961). Анализ взглядов этого учёного позволяет внести определённую долю ясности и в проблему возникновения в европейском менталитете механистического мировоззрения ещё в донаучную эпоху.

Известно, что ещё в 1918 году К. Г. Юнг предостерегал от опасности возникновения «массового психоза» в Германии. Этот учёный справедливо придерживался мнения, что «политические массовые движения нашего времени представляют собой психические эпидемии, или, иначе говоря, массовые психозы». Основанием для этого вывода явился личный психиатрический опыт Юнга: ведь среди его пациентов были и немцы. По словам этого учёного, написанным им в 1918 году, «христианский взгляд на мир утрачивает свой авторитет, и поэтому возрастает опасность того, что “белокурая бестия”, мечущаяся ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями».

Юнг связал истоки психических эпидемий, подобных той, которая охватила в своё время Германию, с неким таинственным «внешним» фактором. Он дал даже этому фак-

Вот как описывали духовную атмосферу германского общества того же 1918 года очевидцы:

«В этот период невиданной экономической и политической неопределённости процветали гипноз, месмеризм, ясновидение и всевозможные разновидности оккультизма...

Гипнотизёры и ясновидцы получили в своё распоряжение огромные концертные залы.

Вряд ли было хоть одно эстрадное представление без телепатического сеанса.

Огромные плакаты и газетные объявления зазывали: "Самый значительный парапсихолог", "Тысячеглазая женщина", "Величайшее достижение в оккультизме: она знает всё!" и т. д. и т. п.

Правда и шарлатанство — никто не различал, но публика и пресса буквально разрывались от восторга».

Спиритический сеанс. Сцена из фильма «Доктор Мабузе, игрок» Фрица Ланга. 1922 год

**В самой сути
механистического
мировоззрения
можно найти отголосок
этого же стремления
«стать как боги»,
реализуемого здесь
в мировоззренческом плане.
Речь идёт о желании
постичь сокровенную
сущность бытия без опоры
на Божественное
откровение,
но силами своего рассудка.**

тору название — «коллективное бессознательное», из которого, по его мнению, «всплывают» определённые устойчивые прообразы (архетипы) социальных мифов — как древних, так и современных. Позже исследователи творчества Юнга напишут: из его системы взглядов вытекало, что «мифотворчество — это непрерывный процесс, свойственный человеку во все времена; в нашу эпоху, во второй половине XX века, мифы создаются посредством того же универсального социально-психологического механизма, что и в далёком прошлом».

Характерно, что сам Юнг не дал чёткого определения понятию «коллективное бессознательное». В трудах более поздних психологов истолкование этого термина также «оставлено открытым». Скорее всего, главная трудность здесь заключалась не только в возможности вписать это понятие в материалистическую систему околонучных представлений тех времён. Дело в том, что сам термин «коллективное» всегда указывает на то, что относится к целым группам людей (в данном случае подразумевается общий источник мифических представлений). Но, с другой стороны, термин «бессознательное» явно указывает на ту сферу психического, которая присуща отдельному человеку.

Подходя к этой проблеме с точки зрения христианской традиции, можно констатировать, что по крайней мере часть описанных Юнгом проявлений «коллективного бессознательного» можно связать с демоническими внушениями. С этой точки зрения, кстати, легко разрешается и отмеченная парадоксальность, заложенная в самом термине «коллективное бессознательное».

Можно провести и другие параллели между откровениями библейской традиции и тем, что даёт нам непредвзятый анализ ситуации с иррациональными истоками общественных движений последних столетий. В частности, если вернуться к иррациональным истокам механицизма, связанным с герметической традицией, то поневоле приходит на ум древ-

няя библейская история, описывающая грехопадение человека. Последователи герметизма также обращали своё внимание на эту историю, толкуя её, правда, со своих позиций. Они верили в то, что существуют магические средства очищения человека, которые возвращают его к состоянию невинности — тому состоянию, каким обладал Адам до грехопадения. Без всякой Божественной помощи человек, вернувшись в это состояние, может вернуть себе первозданную власть над стихиями мира.

Христианство всегда учило, что такое стремление «стать как боги» — и при этом «нелегальным путём», без содействия Божественной благодати, — приводит к порабощению человека демоническим началом и что подобные оккультные эксперименты всегда заканчиваются как для отдельного человека, так и для всего общества весьма плачевно. При этом в самой сути механистического мировоззрения можно найти отголосок этого же стремления «стать как боги», реализуемого здесь в мировоззренческом плане. Речь идёт о желании постичь сокровенную сущность бытия без опоры на Божественное откровение, но силами своего рассудка, опирающегося в данном случае на герметическую магическую практику.

При всём этом обращает на себя внимание своего рода «эффективность» подобных духовных процессов оккультно-магической направленности. Всегда наблюдается определённый временный успех, который можно пресечь лишь мощным противодействующим фактором. В случае Третьего Рейха таким противодействующим фактором стали войска антигитлеровской коалиции; в случае механистического мировоззрения — успехи позитивной науки, накопившей материал, несовместимый с механицизмом в гораздо большей степени, чем та ньютоновская механика, которую механицизм в своё время сумел под себя «подмять». С современным естествознанием этот трюк уже не прошёл.

Физика против механистического мифа

Физика всегда считалась той фундаментальной наукой, которая предоставляет человеку наилучшие возможности понять принципы мироустройства. Именно поэтому результаты, полученные в области физических изысканий, имеют огромное значение для понимания несостоятельности механицизма. И этот процесс развенчания механистического мировоззрения начался, как известно, ещё в XIX столетии.

Как уже говорилось, ньютоновская механика была хоть и искусственно-насильственным образом, но всё же включена в систему механистического мировоззрения. Полагалось, что любое явление мира можно объяснить либо на основании законов Ньютона, либо, по крайней мере, на основании чего-то близкого к этим законам, чего-то связанного с описанием движения материальных объектов в пространстве нашего мира. Однако со временем выяснилось, что подобный механистический стиль мышления наталкивается на границы своей применимости.

Прежде всего, эта ограниченность проявилась при разработке теории электромагнитного поля. Когда физики стали работать в этой области, то для них было естественно на первых порах считать и природу электромагнитного взаимодействия тоже механическим. В физической литературе конца XIX столетия можно встретить довольно оригинальные механистические модели электромагнитных явлений: верёвки, переброшенные через блоки, продетые сквозь небольшие кольца и носящие тяжести; трубки, из которых одни всасывают воду, другие набухают; зубчатые колёса, сцепленные между собой или с зубчатыми стержнями, и т. д.

Однако такой стиль мышления не принёс ожидаемых плодов. По словам Альберта Эйнштейна (1879–1955), «после исследований Фарадея и Максвелла постепенно стало ясно,

что основы механики находятся в противоречии с электромагнитными явлениями... Учёные со временем стали всё более отчётливо понимать, что сведение уравнений электромагнитного поля к уравнениям механики невозможно».

Ещё большее противоречие возникло между механистическим стилем мышления и теорией относительности. Как отмечал в своё время Макс Планк (1858–1947), «всякий, кто принимает механистическое мировоззрение в качестве постулата физического мышления, никогда не примирится с теорией относительности».

Наконец, следует затронуть и некоторые мировоззренческие следствия квантовой механики. Макс фон Лауэ (1879–1960) писал о том, что «в течение многих лет Планк стремился уничтожить пропасть между классической и квантовой физикой или хотя бы перебросить мост между ними. Он потерпел неудачу, но его усилия не были напрасными, так как доказали невозможность успеха таких попыток». Успех в области понимания законов микромира был достигнут другим путём, проложенным Нильсом Бором (1885–1962) и его последователями. Один из них, Вернер Гейзенберг (1901–1976), обобщил представления о сущности происшедших в научно-философском мышлении перемен, связанных с отказом от механицизма, следующим образом: «Надежда понять бесконечное многообразие мира на основании знания его небольшой части никогда не может быть рационально обоснована».

В эпоху господства механистического мировоззрения и его философских производных существовали надежды «понять бесконечное многообразие мира» на основании знания законов его «нижних» структурных этажей. В те времена широким массам внушалось, что прогресс в области знания законов природы автоматически проливает свет и на знание социальных законов, а следовательно, даёт человечеству возможность проводить социальное переустройство «на твёрдом научно-философском фундамен-

те». В самом деле, если весь мир подобен огромному механизму, то, изучив функционирование его «пружин» и «шестерёнок», можно попытаться улучшить и социальную составляющую этого механизма. Однако подобные взгляды не более чем иллюзия. Картина мироздания перестала представляться в виде целостного монолита, покоящегося на механистическом фундаменте. Вместо этого перед взором исследователей предстала пёстрая мозаика разрозненных фрагментов реальности, каждый из которых описывается своим специфическим образом. И эта новая картина мироздания вполне соответствует традиционным христианским представлениям о формировании специфических свойств каждой области реальности «внешним» трансцендентным воздействием со стороны Божественных энергий.

В самом деле, если свойства каждой области познаваемого определяются не единым механистическим фундаментом, но имеют свою автономную логику, то напрашивается вывод, что эта логика должна проистекать не из пластов бытия «нижележащего» структурного уровня, но определяться чем-то трансцендентным и одновременно «конструктивно-разумным».

Итак, пройдя довольно длинный путь мировоззренческих блужданий, научно-философская мысль незаметно приблизилась к представлениям, которые были очевидны для одного из её основоположников — Исаака Ньютона, считавшего, что Бог управляет миром «как Властитель Вселенной и по господству своему должен именоваться Господь Бог Вседержитель». Впрочем, намного раньше Ньютона святой Дионисий Ареопагит писал по этому же поводу следующее:

Бог «является сверхсущественной субстанциональной Причиной всякого возможного бытия», так что «нет ничего из сущего, лишённого вседержительской защиты и окружения божественной Силой».